
Алина Жарковская
Ангел

Алина Жарковская
Ангел

https://litres.ru/74655859
SelfPub; 2026

Аннотация

Семнадцатилетняя Мелисса переезжает с семьёй в новый город и пытается начать всё с чистого листа: университет, новые друзья, первая симпатия, маленькие радости и большие страхи. Но привыкнуть к новой жизни мешает ощущение недосказанности: отец слишком часто проверяет замки, у дома появляется чёрная машина, ночные звонки обрываются, а родители избегают прямых ответов. Мелисса всё сильнее чувствует, что переезд был не просто сменой обстановки, а попыткой скрыться от чего-то из прошлого. Постепенно семейная тайна выходит на поверхность, и ей приходится повзрослеть быстрее, чем она ожидала. Это атмосферная история о доверии, первой любви, дружбе и о том, как хрупок привычный мир, если в нём есть место недосказанности.

Содержание

Пролог 4
Глава 1. Новый дом 7
Глава 2. Первый день 12
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Алина Жарковская
Ангел

Пролог

Дождь за окном превращал мир в мутную акварель. Деревья, дорожные знаки, случайные прохожие — всё плыло и размывалось, как картинка из старой книжки, которую кто-то слишком долго держал над паром. Я прижалась лбом к холодному стеклу и вздохнула. Стекло было ледяным, и от него пахло пылью и чужим городом.

Переезд.

Ещё неделю назад это слово звучало как приговор. Сегодня — почти как начало приключения. Почти.

Я знала, что буду скучать по старому городу. По двору, где мы с девчонками рисовали мелом на асфальте солнечные часы и спорили, который час. По университету, где преподаватели уже привыкли к моим вечным «а можно ещё один вопрос?» и заранее вздыхали, когда я поднимала руку. По своей комнате с обоями в мелкий цветочек и полкой, на которой лежали мои альбомы — толстые, потрёпанные, с загнутыми уголками. По запаху пирогов из соседней квартиры. По всему, что осталось позади так внезапно, что я даже не успела как следует попрощаться.

Мама сказала: «Новая жизнь — это не страшно, солнышко. Это просто новая глава». Папа добавил: «А главы, как известно, бывают интереснее предыдущих». Алекс, мой брат, заявил, что в новом городе точно найдётся место, где делают нормальную шаурму, а это, по его мнению, главный показатель цивилизации. Мама сказала, что шаурма — не показатель, а Алекс сказал, что мама просто никогда не пробовала правильную шаурму.

Я улыбнулась своему отражению в мокром стекле. Ну что ж. Посмотрим, что за глава нас ждёт.

За спиной мама складывала в коробку чашки, заворачивая каждую в газету так бережно, будто это были не чашки, а маленькие хрупкие планеты. Папа проверял документы — он делал это уже в третий раз за утро, и я не понимала, что он надеется там найти. Алекс таскал вещи так, будто решил заодно сдать нормативы по физподготовке: он хватал по две коробки сразу и шёл через двор с таким видом, будто это не тяжести, а почётный караул.

В машине пахло дождём, кофе и немного — старыми газетами. Я смотрела, как за окном проплывают чужие улицы, и старалась не думать о том, что мы уехали слишком быстро.

Слишком быстро. Слишком тихо. Слишком без объяснений.

Я спрашивала маму, почему так срочно. Она сказала: «Так сложились обстоятельства, родная». Я спрашивала папу, почему ночью. Он сказал: «Так было нужно». Я спрашивала

Алекса, почему мы не взяли мои картины. Он сказал: «Купим новые, какие проблемы?» И все они говорили это разными голосами, но с одинаковым выражением лица — будто заранее договорились.

Но я гнала эту мысль прочь. В конце концов, взрослые всегда что-то решают. У них есть планы, причины, работа. Просто я ещё не всё понимаю. Мне семнадцать, я учусь на втором курсе, я рисую снежинки на полях и верю, что люди говорят правду, когда улыбаются.

Дождь стучал по стеклу, как будто пытался что-то сказать. Я закрыла глаза и представила, что это не дождь, а аплодисменты. Новому городу. Новому дому. Новому университету. Мне.

— Мелисса, — позвала мама, — не сиди как мышка. Посмотри, какие здесь красивые улицы.

Я открыла глаза. Улицы действительно были красивыми. Незнакомыми, но красивыми. Кирпичные дома с лепниной, витрины, гирлянды, которые уже начали вешать к праздникам. И где-то в глубине души, под слоем грусти и страха, шевельнулось любопытство.

Любопытство — это ведь не порок. Так мне потом скажет один человек. Порок — это когда тебе всё равно.

Глава 1. Новый дом

Виктор стоял у входной двери и сосредоточенно проверял замок. Потом ещё раз. Потом посмотрел на ключи так, будто ждал, что они сами расскажут ему сказку.

— Дорогой, — выглянула из кухни Елена, — ты с замком разговариваешь или всё-таки заходишь?

— Я проверяю, — солидно ответил он. — Новый дом. Вдруг замок с характером.

— У тебя тоже характер, — засмеялась мама. — Иди лучше помоги с коробками.

В коридоре громоздились картонные коробки, подписанные маминым аккуратным почерком: «Кухня», «Книги», «Посуда», «Всякое нужное». Отдельно стояла коробка с надписью «Мелиссины сокровища». Я тут же присела рядом и заглянула внутрь: альбомы, краски, старый заяц, которого мне подарили ещё в начальной школе, коробка с цветными карандашами, несколько открыток, засушенный цветок между страницами книги и маленькая фигурка ангела, которую бабушка подарила мне перед переездом.

— Будешь хранить меня? — прошептала я фигурке.

Ангел, конечно, не ответил. Но мне показалось, что в его фарфоровой улыбке мелькнуло что-то ободряющее.

Я прижала зайца к груди и почувствовала себя почти дома. Заяц был старый, с потёртым ухом и одним глазом, ко-

торый когда-то отклеился и был приклеен обратно маминым лаком для ногтей. Но он был мой. Я знала его на ощупь, знала, где у него мягкая заплатка, знала, как пахнет его ткань. В новом доме, где всё было чужим, заяц был островком знакомого.

— Вот и я, мам, пап! — Алекс втащил в прихожую две огромные коробки, будто они были набиты воздушными шариками. — Куда это? В мою комнату? В гостиную? На балкон? Могу на люстру.

— В гостиную, сынок, — ответил папа. — Люстру пока не трогаем.

— Жаль, — вздохнул Алекс. — У меня были планы.

Он поставил коробки, вытер лоб и огляделся.

— Ну что, — сказал он, — дом как дом. Пахнет краской и чужими надеждами.

— Алекс, — укоризненно сказала мама.

— Что? Я образно.

Мама уже расставляла на новой кухне фарфоровые чашки. Она делала это так торжественно, будто каждая чашка была маленькой победой над чужим пространством. На столе появилась ваза с печеньем, салфетки, чайник. Всё это выглядело так, будто мы не только что приехали, а уже давно живём здесь и просто вернулись с прогулки.

— Чайник почти закипел, — объявила она. — Кто хочет чай с дороги?

— Все! — хором ответили мы.

Я вытащила из коробки альбом и провела пальцем по обложке. В старой квартире остались мои большие холсты. Мы уехали быстро, и я не успела их забрать. От этой мысли стало немного грустно. Я представила, как они стоят там, прислонённые к стене, и никто на них не смотрит. Глупо, конечно, но мне казалось, что картины тоже умеют скучать. На одном холсте была нарисована наша старая улица — я работала над ней всё лето, выписывала каждый балкон, каждое окно, каждого кота на подоконнике. Теперь этот холст стоял где-то в пустой квартире, и никто не знал, что с ним будет.

— Пап, — тихо сказала я, — а почему мы не забрали мои картины?

Виктор обернулся. В его взгляде не было ничего страшного — только обычная отцовская задумчивость. Но на секунду мне показалось, что он не хочет отвечать. Он посмотрел на меня, потом на коробку с моими сокровищами, потом снова на меня.

— Там было тесно, котёнок. Но знаешь что? Здесь у тебя будет своя мастерская. Ну, или уголок у окна. Мы купим новые холсты. И краски. И ещё этот… как его… мольберт.

— Правда? — я просияла.

— Правда, — папа улыбнулся. — Новая жизнь начинается с новых красок. Логично?

— Логично! — я подпрыгнула и чмокнула его в щёку.

Алекс фыркнул:

— А мне мольберт? Я тоже хочу быть художником.

— Ты у нас художник по части яблок, — заметила мама, ставя на стол вазу с печеньем. — Тебе хватит.

— Я, между прочим, могу нарисовать яблоко так, что ты его съешь, — обиделся Алекс.

— Это называется «фотография», — сказал папа.

— Это называется «талант», — парировал брат.

— Это называется «пора помочь маме с посудой», — сказала мама, и Алекс сдался.

Мы расселись за ещё не до конца распакованным столом. Пар поднимался от чашек, мама разливала чай, Алекс рассказывал, как грузчик сказал ему: «Молодой человек, вы уверены, что вам не нужен кран?». Папа смеялся, мама качала головой, а я грела ладони о чашку и думала: может, всё не так уж плохо.

— А помните, — сказал вдруг Алекс, — как мы в прошлом году ёлку наряжали? И кот свалил её в три часа ночи?

— Как такое забыть, — вздохнула мама. — Я потом неделю находила мишуру в самых неожиданных местах.

— Это была месть, — серьёзно сказал Алекс. — Вы надели на него шапку Санты. Он этого не Forgave.

— «Не forgave»? — переспросила я.

— Не простил, — поправился брат. — Я учу английский. По сериалам.

— По сериалам ты учишь только ругательства, — заметила мама.

— Это тоже язык.

Мы смеялись, и в этом смехе было что-то очень нужное. Что-то, что делало новый дом не таким чужим.

За окном сгущались сумерки. В новом дворе зажглись фонари. Кто-то выгуливал собаку, дети лепили снеговика, у соседнего подъезда стояла чёрная машина с тонированными стёклами. Я скользнула по ней взглядом и тут же забыла. Мало ли машин на свете.

Папа тоже посмотрел в окно. Всего на секунду. Потом отвернулся и сказал:

— Всё будет хорошо.

На этот раз это прозвучало как обещание.

Ночью я не могла уснуть. Новая комната пахла краской и картоном, и каждый скрип был незнакомым. Я лежала в темноте, прижимая к груди зайца, и слушала, как внизу папа ходит по коридору. Он ходил долго, размеренно, от двери к окну и обратно. Я знала этот звук — так он ходил, когда о чём-то думал. В старом доме он тоже так ходил, но тогда это было реже.

Потом шаги стихли. Я услышала, как щёлкнул замок. Потом второй. Потом третий.

Я зажмурилась и сказала себе, что это просто новый дом. Новые замки. Новые привычки. Всё будет хорошо.

Глава 2. Первый день

Зеркало в моей новой спальне отражало девушку в строгой университетской форме. Форма сидела идеально, волосы я уложила аккуратно, но всё равно нервничала так, что бабочки в животе устроили хоровод. Я поправила воротник, потом ещё раз, потом посмотрела на себя с разных сторон.

— Ну, — сказала я отражению, — ты выглядишь как человек, который знает, что делает.

Отражение не согласилось.

— Ладно, — вздохнула я. — Ты выглядишь как человек, который очень старается делать вид, что знает, что делает.

Это было ближе к правде.

— Моя маленькая принцесса… — мама вошла в комнату и поправила воротник моей блузки. — Такая красивая. Будь послушной, веди себя хорошо и не забывай улыбаться. Поняла?

— Да, мам, — тихо ответила я.

— И не бойся ошибаться, — добавила она, целуя меня в лоб. — Ошибаются все. Даже отличники.

— Даже ты?

— Особенно я, — серьёзно сказала мама. — Однажды я пришла на экзамен не в ту аудиторию и полтора часа рассказывала про экономику преподавателю литературы.

Я рассмеялась.

— И что он сказал?

— Он сказал, что я очень убедительно рассказываю про экономику, и поставил мне четвёрку. По литературе. За экономику.

— Это нечестно.

— Это жизнь, — мама улыбнулась. — Иногда люди оценивают не то, что ты делаешь, а то, как ты это делаешь. Поэтому делай всё с удовольствием. Даже если ошиблась аудиторией.

Она поправила мне волосы и отступила на шаг, чтобы посмотреть на меня.

— Всё. Иди. И помни: ты справишься.

Я вышла в холл. Наверху скрипнула дверь — Алекс проснулся. С кухни пахло кофе, который папа приготовил перед уходом. На столе лежала записка: «Мелисса, удачи. Ты умница. Папа». Рядом стояла чашка с недопитым кофе и лежала газета — папа всегда читал её по утрам, даже если новости были скучными.

Я взяла ключи, заперла дверь и вышла на крыльцо. Утро было свежим, небо — ясным, а улица — шумной и совершенно незнакомой.

Я шла пешком, сверяясь с картой в телефоне. Блэквудский университет вырос передо мной внезапно: массивные ворота, кирпичные фасады, студенты с рюкзаками и кофе. Я остановилась, сделала глубокий вдох и поправила шарф.

— Ну что, Мелисса, — прошептала я себе, — не робей.

Внутри было тепло и гулко. Студенты неслись по коридорам, смеялись, обсуждали пары. Кто-то пытался открыть шкафчик, кто-то спорил о расписании, кто-то ел бутерброд прямо на ходу. Я нашла деканат, робко постучала и получила конверт с расписанием.

— Аудитория 314, третий этаж, — сказала женщина за столом. — Лекция по социологии уже началась. Профессор Линд не строгий. Обычно.

— Обычно? — переспросила я.

— Обычно, — подтвердила она и улыбнулась. — Но вы не волнуйтесь. Он кусается только по средам.

Я кивнула, не понимая, шутит она или нет, и отправилась искать лестницу. Коридоры вились, как лабиринт, но указатели помогли. На третьем этаже пахло старым деревом, мелом и кофе. Дверь в аудиторию была приоткрыта. Я заглянула.

У доски стоял высокий мужчина в потёртом пиджаке и что-то рисовал. Студенты сидели, кто-то делал заметки, кто-то зевал.

— А, не задерживайтесь, — сказал профессор, заметив меня. — Проходите. Присаживайтесь.

Я выбрала место у окна, достала тетрадку и попыталась вникнуть в лекцию. Профессор говорил о том, как общество влияет на человека и как человек влияет на общество. Я честно записывала, но моя рука сама по себе начала выводить на полях маленькую снежинку. Кривую, но живую.

Вдруг я почувствовала чей-то взгляд. Я обернулась. На последнем ряду, у прохода, сидел парень. Тёмные волосы, спокойные глаза, лёгкая усмешка. Он не пялился, не хмурился. Просто смотрел — и в этом взгляде было что-то любопытное.

Я поспешно отвернулась и уткнулась в тетрадь. Щёки почему-то стали горячими.

— Вы согласны, Моретти? — спросил профессор.

Парень кивнул.

— Согласен. Но только если критика не превращается в новую форму подчинения.

Профессор усмехнулся и вернулся к доске. Лекция закончилась. Студенты зашевелились, собирая вещи. Я медлила, будто боялась, что меня затянет в общий поток.

И тогда он подошёл.

— Ты новенькая, да? — спросил он.

— Да, — я подняла глаза. — Мелисса.

— Моретти, — он кивнул. — У тебя снежинка на полях.

Я покраснела.

— Ой. Я не специально. Просто рука сама.

— Хорошая снежинка, — он улыбнулся. — Правда, у неё семь лучиков. А у снежинок обычно шесть.

— Это авторская снежинка, — серьёзно сказала я. — У неё особое происхождение.

Моретти тихо рассмеялся.

— Ладно. Авторская так авторская. Если хочешь, я пока-

жу, где здесь варят нормальный кофе. Только кофе. Без подвохов.

Я растерялась. Наверное, у меня было очень смешное лицо, потому что он добавил:

— Это не свидание. Это карта местности. Новеньким нужна карта.

— Тогда ладно, — я улыбнулась. — Карта — это полезно.

Он кивнул и вышел. Я смотрела ему вслед и чувствовала, что первый день в новом университете получился не таким уж страшным.

В коридоре я столкнулась с девушкой с короткими тёмными волосами и яркой заколкой в форме звезды. Она посмотрела на меня, потом на дверь аудитории, потом снова на меня.

— Ты новенькая? — спросила она.

— Да. Мелисса.

— Клара, — она протянула руку. — Пойдём, я покажу, где здесь приличный кофе. И где неприличный тоже. На всякий случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.